

мулой Достоевского: Базаров не относится к *людям об одной идее*, аттестация которых впервые дана в «Записках из Мертвого дома»: «Эти люди так и рождаются об одной идее, всю жизнь бессознательно двигающей их туда и сюда; так они и мечтают всю жизнь, пока не найдут себе дела вполне по желанию; тут уж им и голова ни о чем» (4, 85). Раскольников и есть яркий пример человека *об одной идее* и пример того, к чему подобная однонаправленность неизбежно приводит. Такой же тип *маниакальной* личности представлен в «последователях» Ставрогина — Кириллове, Шатове, Петре Верховенском, отчасти в Иване Карамазове. Князь Мышкин тоже на мгновение срывается в не сулящую ничего хорошего одноидейную непримиримость, но это всего лишь мгновение, а в иных своих проявлениях он неожиданным образом перекликается с Базаровым, для которого тоже характерны *двойные мысли*, который умеет *прощать* чужое счастье и тоже бросает трагический вызов времени.

«Да что вы в добродетель-то так всем дышлом въехали?» (6, 370) — спрашивает Раскольникова Свидригайлов, очень точно формулируя тип мышления своего собеседника, который в свою главную идею именно *всем дышлом въехал* и *выехать*, т. е. пересмотреть, переоценить ее не в состоянии. «Становления мысли»,³⁶ диалектики мысли, самого процесса мышления как производства, проверки и переосмысления идей в романе Достоевского нет. А соответственно нет и внутреннего развития, интеллектуального роста героя, который дан готовым и оперирует готовыми идеями, кружит вокруг однажды найденных решений, каждый раз заново примеряя их к очередным оппонентам и обстоятельствам, но ни в коей мере не стремясь и не пытаясь скорректировать, согласовать их с противоречащей им действительностью, и уж тем более не желая их изменить. Совершенно справедливо о взаимоотношениях героя Достоевского с идеей рассуждал Д. И. Писарев: «Теория Раскольникова сделана им на заказ. Сооружая эту теорию, Раскольников не был беспристрастным мыслителем, отыскивающим чистую истину, в каком бы неожиданном и даже неприятном виде она ему ни представилась. Он был кляузником, подбирающим факты, придумывающим натянутые доказательства и подстроивающим искусственные сопоставления единственно для того, чтобы выиграть запутанный процесс самого сомнительного достоинства».³⁷ На протяжении всего романа Раскольников страдает от невозможности совместить свою казуистику с собственной нравственной природой, при этом готов самого себя клеймить «подлецом», что и делает многократно, но теорию оставляет вне критики. Эту неразрывность героя с идеей, и природу этой неразрывности, и ее неизбежные последствия замечательно впоследствии объяснит Подросток: «„Идея“ утешала в позоре и ничтожестве; но и все мерзости мои тоже как бы прятались под идею; она, так сказать, всё облегчала, но и всё заволакивала передо мной» (13, 79). Действительно, *всё заволочла* перед Раскольниковым его безобразная *мечта*.

В Базарове же, которого нередко называют русским Инсаровым, хотя по существу он анти-Инсаров, мы не обнаружим абсолютной слиянности с высоким служением, как в героическом болгарине, на которого отчасти (личностным совпадением с идеей) похож Раскольников. Базаров хочет быть нужным России, но помнит о своей малости перед лицом вечности, он не бежит любви, он жаждет ее, а она ему не дается, и неожиданным образом ему приходится в пору добролюбовские определения «слабого» Берсенева: «Он

³⁶ Бахтин М. Указ. соч. С. 321.

³⁷ Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. Л., 1981. Т. 3. С. 231.